

Легион начал отступать.

Холодные, бесчувственные машины для убийства не выказывали страха перед перспективой потерять своих товарищей, как и не испытывали жажду мести. Они либо завершали поставленные задачи, либо отступали, как только число жертв с их стороны преодолевало заданную границу.

Быть может, чтобы уберечь Львов, отступающая механическая волна выпускала самоходные мины для обороны рядов. Вражеских меток на радаре постепенно становилось все меньше. Несмотря на это, процессоры напряженно вглядывались в экраны радаров и обследовали окружение оптическими сенсорами. Тогда-то их ушей достиг холодный, ясный и безмятежный голос.

Голос капитана первого оборонительного отряда Байонет двадцать седьмого района военных действий.

— Могильщик — всем членам отряда. Битва окончена.

Он говорил непреклонно. Голосом, будто боевая машина, каким должны говорить их заклятые враги. Голосом, будто бог повелевал полем боя.

— Альфа-лидер — принято.

Ответив коротко, вице-капитан «Байонет» Сайки Татеха позволил телу расслабиться. Он также мог слышать вздохи облегчения товарищей через синхронизацию. Как правило, командир первого взвода был капитаном отряда. Но тот самый капитан сражался в очень рискованном стиле, ориентированном на ближнем бое, из-за чего ему было тяжело принимать командование в жестких схватках, плюс другие обстоятельства — поэтому командиром первого взвода был Сайки.

Под другими обстоятельствами понимались отношения между ним и остальными членами отряда, а также предпочитаемый боевой стиль.

Посмотрев вперед, он увидел агрегат капитана, окруженный дымящимися останками Легиона. Сайки невольно ахнул от неверия, как всегда. Большая часть обломков принадлежала Львам, опять же. В довесок к абсурдной мобильности Танк мог похвастаться самой большой огневой мощностью и крепкой броней среди других типов Легиона, если не брать в расчет Динозавров, которых редко видели на поле боя восемьдесят шестого сектора.

Джаггернаут ни в одном аспекте не соответствовал Льву. Но вокруг капитана лежали обломки сразу нескольких поверженных Танков.

Конечно, Сайки и остальные прикрывали его огнем в битве, но более половины он победил сам. Эта заслуга целиком и полностью их капитана и его превосходящих навыков.

Когда все вражеские метки на радаре исчезли, Джаггернауты уставились на агрегат капитана.

Среди обломков Львов стоял диковинный, загадочный Джаггернаут, который мог не только сравняться с грозным оппонентом, но и рассказать историю. Русую — цвета сухих костей — броню покрывали множество потертостей, говорящих о долгой службе.

Поскольку ограничители у него были сняты для увеличения мобильности, агрегат создавал достаточно тепла, чтобы поднялась тепловая дымка даже в весеннем воздухе. Еще он был оснащен высокочастотными лезвиями для ближнего боя. И поверх кабины нарисована небольшая личная метка безголового скелета.

Его агрегат носил название Могильщик. В восемьдесят шестом секторе большинство процессоров погибали в первый год, а кто проживал дольше, становился носителем позывных. Этот Джаггернаут принадлежал как раз такому носителю с личной меткой бога смерти.

Он передвигался, точно скелет почившего солдата, крадущегося по полю боя в поисках потерянной головы.

Капитан, казалось, протяжно выдохнул внутри Могильщика. Сайки услышал единственный выдох через синхронизацию, которую теперь заполняла тишина.

— Возвращаемся на базу. Пускай падальщики займутся сбором всех разбитых Джаггернаутов.

— Принято.

Ответив так, Сайки развернул свой Джаггернаут. Убогий алюминиевый гроб проделал это движение громкими, грохочущими шагами. Вильнул оптический сенсор, в поле зрения попал лес — их поле боя. Часть раздробленных деревьев попадали и до сих пор тлели. Камни раздроблены бомбардировкой, земля и подлесье поднялись от топтавших их механических ног. И среди всего этого лежали металлические и белые обломки Легиона и Джаггернаутов.

Весьма обычная сцена для отряда Байонет и, тем более, для полей сражений восемьдесят шестого сектора. Но вдалеке, в просветах между тенью деревьев, горизонт окрасился в красный. Этот цвет отличался. Граница, обозначающая территории Легиона, мерцала ярко-красным. Наверное, там было поле красных цветов. И раз они могли видеть его с такого расстояния, вероятно, оно было обширным.

«О, так весна же», — вдруг подумал Сайки.

Прошли годы с тех пор, как он обращал внимание на времена года. Он так отчаянно старался

выжить в лагере для интернированных, что не замечал изменения погоды. И если бы не этот отряд, вскоре после лагеря и отправки на поле боя он бы...

— ...

В следующем году большинство процессоров, скорее всего, уже не посмотрят на алую сцену вновь. Но в этом отряде они смогут увидеть ее в предстоящем году и еще через год. Быть может, они увидят другие цветы.

Пусть даже самих их уже не будет в мире живых.

— Альфа-лидер? Что-то не так?

— А, нет. Прости, — поспешно ответил он на холодный оклик капитана, прозвучавший где-то даже с сомнением.

По-видимому, он смотрел на цветочное поле достаточно долго, чтобы вызвать подозрения. Куратор по ту сторону стен сейчас не был с ними синхронизирован. Большой и такой важный скотовод, отвечающий за их отряд, был просто безвольным трусом. Он отказывался синхронизироваться с капитаном, хотя это его обязанность. Даже радиосвязь обрубал в пылу сражения.

Перед битвами он через радиосвязь отдавал распоряжения капитану, а весь остаток операции, будучи за стенами, зажимал уши и дрожал от ужаса.

Капитан это знал, поэтому не утруждался отчитываться перед Куратором о завершении операции. Он свяжется, как только будет полностью уверен, что битва закончилась, а до тех пор его оставляют в покое. Более того, капитан временами игнорирует вызовы, потому что его раздражает разговаривать с Куратором. И даже в таком случае трусливый скотовод отказывается синхронизироваться через парарейд.

Впрочем, благодаря этому Сайки и остальные могут вернуться на базу, передать агрегаты в руки бригады обслуживания и воспользоваться возможностью расслабиться, не слушая пронзительный голос белой свиньи... и им не нужно заодно переживать, что их разговоры могут подслушать.

Потому что «восемьдесят шесть» воспрещалось обращаться друг к другу по имени во время операции.

— Все нормально, Могильщик... Шин.

Услышав, как Сайки окликнул его по имени, капитан повернулся к нему на своем агрегате. Затем Сайки улыбнулся, зная, что капитан этого не увидит.

— Хорошо сегодня поработал, Бог Смерти.

В восемьдесят шестом секторе большинство процессоров погибали в первый год службы. А значит, большинство процессоров, сражающихся на поле боя прямо сейчас, в следующем году уже здесь не будет. Они не увидят цветущие цветы или голубое небо следующей весны. Но в этом отряде они смогут посмотреть на красные цветки или, быть может, не только их. Пусть даже самого Сайки уже не будет в живых.

□

Ведь у этого отряда есть Бог Смерти, что понесет души павших.

3

Фронтальная база отряда Байонет вдохнула новую жизнь в небольшой ангар аэропорта, который бросили, когда разразилась война с Легионом. Вероятно, в прошлом в нем содержались летательные аппараты: помещение было в разы просторнее, чем требовалось для ныне помещенных внутрь Джаггернаутов.

Летательные аппараты, скорее всего, вывезли вместе с жителями во время эвакуации в восемьдесят пять секторов. Или, быть может, их просто переработали на заводе для производства Джаггернаутов. Какая бы ни была причина, воздушный транспорт здесь больше не увидишь.

Теперь, когда Легион украл у человечества небо, летательные аппараты годились только на транспортировки через границы и, в лучшем случае, для экскурсионных полетов внутри стен. Поговаривали, некоторые идиоты частенько наведывались с такими экскурсионными полетами на поле боя в поисках острых ощущений, но Сайки особо не волновало, чем это заканчивалось.

Остановив Джаггернаут в назначенном месте, Сайки открыл фонарь и выдохнул. Внутри кабина была темной и тесной. Ее закрывала броня, и оптические экраны — единственное средство для обзора снаружи — покрывали три стороны.

Внутри ты почти задохнулся. Сайки все еще был юношей. Худой и пока низкий. Поэтому, если уж для него кабина тесна, для повзрослевших процессоров дела обстояли еще хуже.

Собственно говоря, командир бригады обслуживания, склонившийся над агрегатом, на фоне кабины казался слишком огромным, чтобы разместиться внутри.

— Шин... Бога ради, ну пилотируй ты его аккуратнее. Поставь себя на мое место хотя бы раз. Мы чиним, чиним и чиним, а ты продолжаешь ломать.

— Мне жаль, — сказал Шин сразу как вылез.

— Э-эх... Неужели всегда нужно бросаться куда глаза глядят, а? — вздохнул командир бригады обслуживания, бросив на того взгляд, а потом принялся неразборчиво бормотать за усами.

Шин опустился на пол ангара, жесткие подошвы его армейских ботинок, ударившись о твердый бетон, не произвели ни единого шума. Шаги напоминали таковые у Легиона. Он обвел ангар алыми глазами.

Обвел старое здание, выцветшее от пыли и воздействия солнечного света. Обвел ряды Джаггернаутов. Обвел процессоров и членов бригады обслуживания, проходящих мимо. Его равнодушный взгляд не останавливался ни на чем конкретно.

Свирепости боевых навыков противопоставлялся обманчиво юный вид. Он сойдет за самого младшего из процессоров в отряде. Сайки исполнилось пятнадцать в этом году, а капитан был на два или три года моложе.

Несмотря на это, никто в отряде Байонет не смел недооценивать его. Напротив, к нему относились с почтением. Благоговением. В Шине и правда было что-то не от мира сего. Безмятежный взгляд. Холодный и педантичный образ мышления. Опытный и суровый боевой стиль. Точно острый клинок, несметное число раз сложенный, перекованный и выточенный битвами.

Недавно его срок службы в восемьдесят шестом секторе превысил год, и он был капитаном уже в прошлом отряде.

В том отряде погибли все кроме него, но это случилось потому, что им пришлось напасть на передовые позиции Легиона. То есть плацдарм, который установили машины для продвижения вглубь передовой.

Конечно, их окружили в разы превосходящие силы, отвечающие за патрулирование и оборону. Им пришлось прорываться через контратаку Легиона и напасть на вражеские позиции, что сулило тяжелыми потерями Джаггернаутов. В зависимости от размеров передовых позиций это могла быть операция «сделай или умри», где отправили бы не один отряд, а четыре отряда со всего района военных действий.

Впечатлял тот факт, что Шин смог вернуться живым.

Отчасти поэтому он казался не от мира сего. Он приглушенными шагами шел через ангар, ни с кем не взаимодействуя. Процессоры и члены бригады обслуживания переставали болтать и умолкали. Будто птицы преклонялись перед царственным орлом, спокойно парящем в небе.

Таков носитель позывного. Монстр, кто остался в живых после проведенного на поле боя верной смерти года. В нем было нечто, что доставало им.

Шин, впрочем, не достаивал товарищей взглядом. Понимал ли, что они держаться подальше из уважения? Сайки и остальные процессоры могли наблюдать за ним только издалека. Обе стороны держались друг от друга на расстоянии, отказываясь пересекать невидимую линию.

Сайки спрашивал себя, не чувствует ли себя Шин из-за этого одиноким. Он хотел сблизиться с ним, поговорить, но это всегда оборачивалось молчанием. Да и о чем ему было говорить?

Наверное, заметив, как Сайки пытался выдавить из себя хоть что-то, Шин перевел на него свои глаза. На миг безэмоциональный взгляд Шина встретился с карими глазами Сайки, но уже через секунду он отвернулся.

Такой яркий и вместе с тем чистый оттенок красного.

Никто не видел его без голубого шарфа, поэтому никто не знал, что он за ним скрывает. И вот однажды кто-то пустил слух. Со временем слух стал шуткой, за которой все прятали свои страхи, зависть и, возможно, нотку жалости.

«Давным-давно он потерял голову, а за шарфом теперь прячет следы от швов.»

Всадник фердреса, напоминающего скелета в поисках потерянной головы, всегда сопровождал механический падальщик, который подбирал обломки товарищей. Единственный самый презренный и любимый бог на этом поле боя, что подбирает погибших в сражении «восемьдесят шесть».

Они прозвали его... безголовым Богом Смерти восточного фронта.

2

На этой операции погибли двое, один получил ранение — но недостаточно смертельное.

□

Это, как бы сказать...

— ...Не каждый день такое увидишь.

Но и не так уж редко.

Сайки наблюдал за двумя обездвиженными Джаггернаутом.

Кабину одного снесло снарядом Льва, другой агрегат искромсали высокочастотные лезвия

Волка.

Он с обвинительным взглядом взглянул на Холли из его взвода, но ничего не сказал по поводу ее высказывания. Добавить было нечего. Просто такой вот исход у «восемьдесят шесть». Они расходные детали оружия. Скот в человеческом обличье. Республике плевать, даже если они вымрут.

Поэтому смерть больше не вызвала удивления. Они к ней привыкли. И кроме того...

— У нас ведь есть наш Бог Смерти, — улыбнулась Холли. В ее голосе слышалась смесь из печали и облегчения.

— ...Ага, — кивнул Сайки.

Точно, с ними был их Бог Смерти. Он мог точно прогнозировать передвижения Легиона в битве, а если кто-то погибал, он понесет за собой воспоминания о них. Когда Шин впервые ступил в восемьдесят шестой сектор, он дал клятву. Выживший будет нести павших до своего конечного пункта назначения.

И Шин выжил. Он тот, кто смог достичь высот, до которых им не добраться. Они знали, что Шин возьмет их, и оттого смерть казалась менее страшной. Даже если кому-то не везло настолько, что от полученного ранения не умираешь сразу.

Шин подошел к третьему встрявшему Джаггернауту. За горячей алюминиевой броней находился неудачливый товарищ: тело почернело, но сам он был все еще жив. Рука Шина быстро достала пистолет из кобуры на правой ноге. Он потянул затвор на ходу, заряжая первый патрон привычным движением.

Затем он потянул рычаг открытия кабины и пробормотал так тихо, будто обращался к самому себе:

— ...Закройте уши, если не хотите этого слышать.

Часть юных процессоров, практически одногодки Шина, смотрели на обугленный Джаггернаут с бледными и застывшими лицами. Они зажали уши. Другие мучительно отвернулись. Бросив на них осторожный взгляд для подтверждения, Шин открыл кабину.

Он приблизился к товарищу внутри, вероятно, чтобы коснуться и произнести несколько слов. Сайки с сожалением отметил этот жест. Такой отстраненный, он постоянно держался ото всех на расстоянии, но он не был бесчувственным. Он по-настоящему...

Но эту мысль безжалостно разбили на осколки три прерывистых выстрела из 9-мм пистолета.

□

Когда Сайки проснулся на следующее утро, Шин уже ушел. Его Джаггернаут также пропал из ангара.

«О. Тогда он, должно быть...»

С этой мыслью в голове Сайки пошел к месту, где, вероятно, нашел бы его. И вскоре он действительно нашел.

Это было место глубоко в лесу, на углу поля битвы отряда Байонет. Весеннее поле, откуда открывается вид на цветочную поляну с красными цветами. И перед обломками трех Джаггернаутов, уничтоженных вчера, стояли Джаггернаут Шина и старая модель падальщика, которого тот называл Файдом.

Файд срезал обломки с трех Джаггернаутов. Порубленного, сожженного и взорванного. Срезанная броня будет размером с пластинку, небольшую, чтобы она могла уместиться в ладони.

Эти пластинки исполняют роль надгробий для трех погибших во вчерашней битве, поскольку «восемьдесят шесть» воспрещалось выкапывать могилы.

Взгляд Шина всегда немного смягчался, когда рядом был Файд. Однако, когда кроваво-красные глаза повернулись в направлении Сайки, в них появился легкий холод.

— Что ты здесь делаешь, Татеха?

Услышав вопрос, Сайки вышел из тени деревьев на солнечный свет. Он не пытался прятаться, но все равно шутливо поднял руки.

— Ты куда-то запропастился, и я догадался, что Легион сегодня не появится.

Шин не уходил в самоволку, если прогнозировал атаку Легиона. По крайней мере, не без предупреждения. Закаленный в боях капитан не станет плевать на свои обязанности.

Шин смотрел на Сайки, который шел к нему с поднятыми руками, но даже не улыбнулся.

— Я смогу убежать, если грянет атака, поэтому и зашел сюда... Мы посреди оспариваемых зон. Это не то место, куда ты можешь прогуливаться в развалку.

«А вот у тебя убежать не выйдет». В его словах содержалось неявное краткое предупреждение,

но Сайки легкомысленно улыбнулся.

— Тогда мне достаточно просто того, чтобы быть рядом с тобой.

Шин моргнул. Сайки за их недолгое знакомство узнал, что так Шин реагировал, когда его застигали врасплох. Он был так юн, что подобный жест Сайки... вернее, любой мог легко заметить. Он пытался прятать свои чувства, но окончательно выжечь их не мог. Он пытался заглушить сердце, но не мог заткнуть его голос окончательно.

Шин не бросит его, и Сайки знал это. И поэтому Сайки мог совершить нечто опасное, вроде прогулки в оспариваемые зоны в одиночку.

Он не бросит его. Он даже погибших не бросал, а уж от еще живых тем более отказываться не будет. Такая вот мысль промелькнула в голове Сайки, пока он смотрел на Шина сверху вниз.

Да, сверху вниз — даже подойдя вплотную, Шин находился ниже уровня его глаз. Все еще мальчишка, кому предстояло вырасти. Сайки несколько лет как вступил в подростковый возраст, поэтому был больше него ростом и телосложением. И несмотря на это, ему нужно полагаться на юного мальчика... Никто из них не считал это правильным.

— Ты говоришь, что один возьмешь с собой всех погибших, но... Я хочу оплакивать их так же сильно, как ты.

Никто не пришел сюда, потому что все считали, будто Шин с его невероятным боевым мастерством не нуждается в поддержке, и что они лишь будут сдерживать его. Но правда такова, что каждый хотел...

1

Как упоминалось, Файд занимался срезом металлических фрагментов с Джаггернаутов, а Шин их просто принимал в свои руки. Получалось, что Сайки здесь нечего было делать.

Если бы оставались трупы, он мог бы по крайней мере заняться захоронением (и в самом деле Сайки даже взял лопату, которую положил в Джаггернаут), но, к сожалению, тела забрал Легион, как, впрочем, и большую часть обломков Джаггернаутов.

Легион развешивал Таузендфесслеры, они бродили по полю боя для поисков припасов и останков для переработки. Эти машины представляли собой огромные металлические многоножки, способные расплющить невооруженного человека и глазом не моргнув, а благодаря усердию и эффективности расчищали поле боя буквально за одну ночь.

Он подумывал хотя бы собрать цветы для них, но в глухом лесу не нашлось бы презентабельных цветов. Поэтому Сайки отошел подальше для поиска, когда его взгляд остановился кое на чем.

Мягкие, хрупкие создания трепетали своими белыми крылышками под нежным весенним солнцем, вытанцовывая на легком ветерке.

Бабочки.

— ...И... сюда.

Сложив ладони в чашу, он быстрым движением поймал одну и только тогда опомнился. Он обернулся и столкнулся с Шином, который смотрел на него. В безэмоциональных глазах появился намек на негодование.

«Хм-м.»

Пойманный в неловком положении, Сайки попытался вернуть себе спокойствие.

— Ты тоже хочешь словить одну? — спросил он с напускной невозмутимостью.

— Нет, — отказался Шин в неожиданно детской манере. Но когда он понял, как это прозвучало, тут же отвел взгляд. — Ты странный.

— В разгар сражения я бы еще понял, почему ты так обо мне отозвался, но знаешь, сейчас было неприятно услышать об этом от ребенка вроде тебя. Не называй других странными, хорошо?

Шин будто не замечал, насколько сам был не от мира сего. Сайки разжал ладони, выпуская бабочку. Она запорхала вверх, к верхушкам деревьев. Пересекая зеленый навес, вскоре она исчезла в голубом весеннем небе.

— Ты разве не хотел поймать ее? — спросил Шин, наблюдая за полетом.

— М-м, ну, как бы сказать...

Маленькая белая бабочка улетела в небо, и теперь ее уже не увидеть. Но Сайки прищурился, будто пытался отследить полет.

— Это мог быть один из них.

Один из товарищей, что погибли вчера.

— ?..

Бесстрастное лицо Шина слегка исказилось сомнением. Сайки же пожал плечами.

— Говорят, бабочки — символ души умерших. И что голубыми они становятся, потому что этот цвет — цвет небес. Ты слышал об этом?

Никто этому не учил, но во всех культурах и у всех людей бабочки считались символом жизни после смерти.

— Нет... А ты веришь?

В Бога? И в жизнь после смерти?

В голосе Шина прозвучала нотка отвращения, которая давала понять, что он ни во что из этого не верил. Улыбнувшись иронии — бог смерти не верит в рай или ад, — Сайки качнул головой.

— В небеса у меня тоже особо веры нет. Если бы они существовали после всего увиденного нами здесь, меня бы это разозлило. Но насчет бабочек...

Идея, что они — воплощение душ умерших...

— ...наверное, в это я верю.

Он плавно перевел взгляд на небо. Лазурное, немного тусклое весеннее небо. Люди считали голубой цветом небес, потому что думали, будто там за голубым простором, на дне голубого океана, не поддающегося пониманию, раскинулся мир мертвых.

— Как насчет детей в твоём лагере? Я имею в виду моложе тебя. Буквально дети или младенцы на момент, когда тебя впервые сослали туда?

Шин на миг умолк, казалось бы, задумавшись о чем-то. Молчание затянулось, словно он подавлял эмоции от всплывших воспоминаний.

— Умерли.

— Вот. В моем лагере тоже. Все.

В лагерях для интернированных были трудные условия для жизни. «Восемьдесят шесть» выбросили в них, они подвергались стрессу от безжалостного высмеивания и насилия. Опекунов детей — родители, братья и сестры, другие взрослые — отправили сражаться на поле боя, часть умерла от принудительных работ. К этому добавилось отсутствие медицинского лечения. Как результат, детская смертность была неописуемо высока.

Малышей во все времена смерть настигала быстро. Лишь в наши дни и с развитием медицины большинство младенцев выживали и доживали до взрослого возраста. Но в лагерях для интернированных медицинское лечение не предоставляли, поэтому изрядная часть детей умирала в первую же зиму.

— В моем лагере все подхватили какую-то болезнь и умерли. Никто не лечил их. А другие боялись, что болезнь может распространиться и на взрослых... Поэтому малышей заперли в заброшенных бараках на окраине лагеря.

— ...

— ...Те детишки, они...

Он помнил. Тихие бараки, лишённые плача и стонов. А на дальней стене...

— Они нарисовали бабочек на стене. Тянули ручонки, куда доставали, и изрисовывали стену бабочками.

А цвета они были грязного песка. Лагерь для интернированных представляли собой скотный двор вне стен, и мелков для рисования там не было. Но Сайки каким-то образом мог представить — возможно, просто чудилось — отсутствующие цвета. Яркие, головокружительные оттенки на множестве бабочек, нарисованных несметными младенцами. Цвет их одной и последней мечты.

— Вот как они узнали про бабочек? Они же были младенцами, дети ясельного возраста в лучшем случае. Никто не учил их этому. Но они все равно нарисовали бабочек.

Вероятно, даже не подозревали о том, что бабочки символизируют души... Быть может, они просто увидели себя во сне, улетающими из этого ада.

Этот случай убедил Сайки, что бабочки есть пристанище для душ умерших. Когда кто-то умирает, он становится бабочкой. И поэтому его давно погибшие на службе родители, его старший брат и сестра, а также все товарищи...

— И мы тоже.

Однажды он слышал про голубых бабочек. Они обитают на землях Республики, но не в грязи восьмьдесят шестого сектора. Где-то в этом мире летали бабочки, сияющие ослепительно голубым. Эти существа, являющиеся воплощением умерших, носили цвета жизни после смерти.

Но Сайки, скорее всего, никогда не увидит их. Даже когда погибнет.

— Я был уверен, что стану просто бабочкой. Что даже после смерти стану одной из многих. С ломкими крыльями и хрупким телом, забавляемым ветром и избиваемым дождем. Бабочкой, которая, вероятно, упадет прежде, чем успеет улететь от меня подальше.

Он мог никогда не увидеть тот прекрасный мир из грез детей. И все же...

— Но сейчас я так не думаю. Это место отличается, потому что у нас есть ты.

Здесь обитал Бог Смерти — тот, кто заберет души погибших, способных стать лишь хрупкими бабочками, и понесет их туда, до куда крылья их ни за что бы не унесли. Настолько далеко, что Сайки и товарищи не смогли бы добраться туда даже умерев. Шин мог взять их и унести в места, которые бы они никогда не увидели.

На краю леса, в глубине восточных оспариваемых зон, на границе с территориями Легиона цвели красные цветы. И Шин мог унести их даже за этот алый горизонт...

□

Шин вернулся в ангар базы и поставил на место Джаггернаут, но так и остался внутри кабины, где тихо выдохнул. Через активный оптический экран он видел Сайки, который вылез со своего агрегата и ушел свойственной ему легкой походкой. На плечо он взгромоздил лопату нелепо больших размеров, затолканную в тесную кабину.

...Шин чувствовал себя странно при виде него.

Он держался от людей подальше, чтобы ненароком ни они не сократили расстояние, ни он не примкнул к себе остальных. Но рядом с Сайки он словно пересекал границу, сам того не осознавая. Не успел опомниться, как тоже захотелось потянуться к нему.

Но даже если бы он это сделал, все всегда оставляют его.

— Куратор Один — первому отряду. Могильщик, ты слышишь меня?

— Могильщик — Куратору Один. В чем дело?

Шин ответил на голос молодого, где-то робкого человека, который обратился к нему по беспроводной связи. Большинство Кураторов внутри стен не станут синхронизироваться с Шином через парарейд. Этот был особенно трусливым, он контактировал с Шином только по радиосвязи и то, когда действительно появлялась на то нужда.

Пока он ждал, когда Куратор что-то скажет, Шин припомнил один момент: на бумаге они должны в данный момент патрулировать. Конечно, они уже давно не выходили в патруль,

поскольку в этом не было необходимости.

— У меня детали для вашей следующей миссии. Мы обнаружили передовую позицию Легиона, формирующуюся глубоко в оспариваемых зонах близ их территорий. Первый отряд должен мобилизовать свои силы и уничтожить врага.

Шин повел бровью. Для продвижения передовой и расширения своих территорий Легион сооружает передовые позиции и формирует плацдарм. Как только закончат, проведут нападение. Достаточно серьезное, чтобы прорваться через «восемьдесят шесть».

Таким образом, нанести удар до формирования позиции, и до того, как они подготовятся, — правильная линия поведения для Республики и их армии, «восемьдесят шесть». Однако...

— Только первый отряд? Нам окажут поддержку второй... или хоть какие-то силы?

Легион учитывал, что на них могло быть совершено нападение до формирования передовой позиции. Они разворачивали машины для защиты союзников и перехвата врага примерно в том месте, о котором упомянул Куратор. Где-то около двух батальонов. И хотя в их число не входили Львы или Динозавры, зато определенно войдут Быки — противотанковая артиллерия. Одному-единственному отряду Джаггернаутов ни за что не справиться.

— Нет... Командование решило, что в их участии нет необходимости.

Шин тяжело вздохнул. Прозвучало так, будто Куратор по ту сторону связи весь съежился, но Шина это не волновало. Причин проявлять чуткость у него не было. Столкновение двух батальонов Легиона с отрядом из менее чем двадцати четырех Джаггернаутов. Другими словами...

— Вы говорите нам идти навстречу смерти. Правильно я понял, Куратор Один?

0

Смерть была неизбежна для «восемьдесят шесть».

Все они обречены погибнуть на поле боя верной смерти, кто-то раньше, кто-то позже. Они будут убиты руками механических призраков. Брошенные Республикой, что выперли их и заперли между минными полями и врагом.

Это было неминуемо.

Но услышав, как Республика буквально приказала им идти навстречу смерти, процессоры умолкли. Шин объяснил все детали миссии, и теперь он безмолвно стоял перед товарищами по

отряду. База представляла собой лишь ангар для автономных дронов, они находились в небольшом конференц-зале, который таковым являлся только по названию. Перед ними лежала карта поля боя, которую кто-то откуда-то сорвал.

Своим молчанием Шин, вероятно, говорил, что если у кого-то есть жалобы или обиды, пусть выскажется сейчас. Хотя эти чувства должны быть направлены не на него. Зная это, Сайки заговорил первым. Еще прежде, чем кто-либо успел выплеснуть на Шина сдерживаемое негодование или необъяснимый ужас.

В конце концов, Республику так сильно охватил ужас из-за Легиона и негодование за неизбежное поражение, что они окрестили «восемьдесят шесть» свиньями в человеческом обличье. Он не мог позволить товарищам поступить также, как некогда поступили белые свиньи.

— Понятно. Вам не нужно смотреть на него таким взглядом. Это же не проблема. В смысле...

Сайки спокойно улыбнулся, чувствуя на себе взгляды остальных. Он словно говорил очевидное. Здесь нечего бояться. Все-таки...

— ...даже если мы погибнем, ты возьмешь нас всех с собой, так, Бог Смерти?

Наблюдающие за ним кроваво-красные глаза, казалось, слегка дрогнули. И видя это, Сайки заговорил с улыбкой на лице, пытаясь переложить хоть часть бремени на свои плечи. Чтобы облегчить тот груз, который он взял на себя.

— Значит, проблем нет. Вообще-то это даже неплохо... Разве я не говорил? Благодаря тебе нам не придется погибать в одиночестве. И если погибнем, мы не останемся забытыми... И даже после смерти ты понесешь нас с собой. Поэтому не так уж плоха эта смерть.

Да, смерть не пугала его. Он был к этому готов, потому знал, что даже после они будут спасены. Он сожалел только об одном. Этот отстраненный суровый мальчик. С каменным, не меняющимся лицом. Он никогда не бросит товарищей, даже если они слабы настолько, что погибнут и оставят его.

Мальчик с поистине добрым сердцем всегда пытался спасти остальных... но у него нет никого, чтобы спасти его самого. Он никогда не искал спасения.

Как-никак, они для него лишь бремя. Сайки мечтал и дальше сражаться с ним плечом к плечу, но такой возможности они были лишены.

«...Мне жаль.»

Но Сайки не мог облечь это чувство в слова, и Шина оно не настигло.

□

Сидя в кабине Джаггернаута в ожидании вылазки, Шин позволил разуму отвлечься на алюминиевые пластинки в отделе для хранения. Он уже синхронизировался через парарейд с товарищами и ощущал их напряжение.

На небольших обломках Джаггернаутов были выцарапаны имена погибших товарищей. Постоянно увеличивающаяся кучка алюминиевых надгробий, которые он вырезал вместо запрещенных могил. Он все еще ясно помнил капитана, кому дал это обещание. Ее улыбку и длинные черные волосы. И как те черные волосы пропитала ее красная кровь.

Кто-то ненавидел его. Кто-то полагался на него. Были и те, кто избегал, тогда как другие пытались сблизиться. И он помнил каждого.

Все они погибли. То же случится и с остальными. Здесь, на поле боя восемьдесят шестого сектора, где жили «восемьдесят шесть», никто не выживет. Всем им суждено погибнуть. И пусть так...

«...ты возьмешь нас всех с собой, так, Бог Смерти?»

Если это даст им хоть какое-то утешение.

Потому что это то единственное, что он мог сделать.

Он возьмет каждого с собой.

И понесет до тех пор, пока не исполнит свое желание.

Шин посмотрел вверх: кроваво-красные глаза были чисты и холодны. Будто сделанные из непомерного спокойствия и ледяной безмятежности.

Будто меч изо льда, вытщенный из ножен.

Будто бессердечный бог смерти, правящий алым полем брани.

Операция начинается. Оптический экран включился: по нему забегали буквы, а свечение осветило мрачную, закрытую кабину. Отобразились шершавые буквы под стать плохому качеству изображения. Экран запуска ходячего алюминиевого гроба, которому суждено однажды стать местом его гибели.

<<Запуск системы>>

<<RMI M1A4 «Джаггернаут» ОС Версия 8.15>>

Посмотрев вперед, он увидел вдалеке окрашенное в красный поле боя. Алые маки цвели всюду, куда ни глянь. Они пылали красным от крови, однажды пролитой на костях поля боя.

А этот восемьдесят шестой сектор был также полем брани, выбрасывающим кости. Полем брани, где трупы «восемьдесят шесть» не оплакивали, где бродили заводные призраки. И настанет день, когда он тоже войдет в ряды мертвых.

Но не сейчас. Пока он не настиг другой стороны...

□

Ревущая какофония смешалась с шумом от радиосвязи.

<http://tl.rulate.ru/book/36621/2030797>